

Татьяна Тренина

Маска, ты мне
нравишься!

Татьяна Михайловна Тренина

Маска, ты мне нравишься!

Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162898
Маска, ты мне нравишься!: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-14528-1*

Аннотация

Скоро наступит Новый Год! В школе, где учится Катя Иволгина, в канун праздника будет устроен настоящий бал – маскарад. Но на бедную девочку навалилось вдруг столько проблем, что она и не знает, удастся ли ей попасть на бал... И только одно радует: Влад Красовский, мечта всех девчонок в классе, обратил на нее внимание! Катя без ума от него, и совсем не замечает новенького, который не сводит с нее глаз. Но во время лыжной прогулки в зимнем лесу Катю и ее друзей застает метель. Помощи ждать неоткуда. Кто спасет их, кто не даст отчаянию поселиться в их душах?.. Кажется, только Влад Красовский способен на это. Но есть еще новенький – Димка Соколов. У него тоже есть мечта – оказаться на новогоднем балу рядом с Катей...

Книга также выходила под названием «Лучший парень для Снегурочки».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Татьяна Тренина

Маска, ты мне нравишься!

Глава 1

Требуются таланты

За окном тихо кружился тополинный пух. «Что за ерунда такая? – подумала Катя. – Откуда пух-то? Сейчас же конец ноября...» В классе стоял гул от множества негромких голосов – этот шум напоминал монотонное гудение пчелиного улья.

– Гляди, Чагина, – первый снег! – встрепенулась Катя и толкнула локтем свою соседку по парте – Розу Чагину, которая мирно дремала, положив голову на стопку учебников.

– Что? – открыла глаза Роза, лучшая подруга с первого класса. – Ты чего, Кать?

– Не спи, а то замерзнешь... Я говорю – снег!

– Где? – Роза сонно заморгала. – Ой, и правда...

За окном был школьный двор, где шел урок физкультуры в каком-то из старших классов. Ребята в спортивных костюмах бегали по кругу, в центре которого стоял Валерьян Никифорович и отдавал команды. Голоса Валерьяна Никифоровича не было слышно за плотно закрытыми рамами, зато

было видно, как он время от времени открывает рот, и ребята по его команде начинают дружно приседать и подпрыгивать. Снег пушистыми хлопьями, действительно напоминающими тополиный пух, падал на школьный двор и таял на асфальте.

– Девочки, снег! – прошептала Роза и толкнула сидящих впереди Лерочку и Викуся.

Лерочка и Викуся в данный момент обсуждали модные тенденции будущего года, и им было не до того. Они обернулись и с возмущением посмотрели на Розу.

– Ты чего, Чагина, совсем плохая? – с досадой произнесла Лерочка, поправляя белокурые локоны на голове, которые были якобы растрепаны порывом ветра (на самом деле Лерочка укладывала их дома перед зеркалом битых полчаса – из-за этого даже опоздала в школу). – Ну снег, ну и что теперь?..

– Первый снег всегда растает, – вдруг вспомнила Викуся. У Вики были черные волосы до плеч, гладкие и блестящие – тоже результат долгих трудов – и длиннейшие черные ресницы, которыми она очень гордилась. – Ладно, Лер, не отвлекайся... Ты говоришь, зеленый будет не в моде?

– Зеленый – да, но зато болотный и салатный оттенки пойдут на «ура»... Если, например, бриджи болотного цвета, а майка с такими салатно-буро-коричневыми разводами – то это будет самое оно... – увлеченно продолжила Лера.

– Маньячки, – вздохнула Катя. – Не обращай на них вни-

мания, Роза!

– Я и не обращаю, – пожала плечами лучшая подруга. – Я просто первому снегу очень обрадовалась. Это ведь, знаешь, что значит?

– Что?

– Что скоро Новый год!

– Ага... – мечтательно вздохнула Катя. – Папа елку живую принесет. Он каждый год елку приносит.

– А у нас искусственная, – безо всякой зависти сообщила Роза. – От живой иголок много, их убирать трудно, а маме и так некогда...

– Ясный перец... – понимающе кивнула Катя. – Они, наверное, целый день в своем ресторане крутятся, да?

– Точно! И папа, и мама, и Фидель...

Фиделем звали старшего брата Розы. Дело в том, что семейство Чагиных владело небольшим ресторанчиком, который отнимал уйму времени. Даже Роза помогала старшим... Она не раз хвасталась Кате, что может приготовить за пять минут целую кастрюлю салата оливье – причем не пользуясь никакими вспомогательными приборами, типа кухонного комбайна. Просто ловкость рук – и только.

– Уже пятнадцать минут третьего! – посмотрела Катя на часы. – Где же Бэ Гэ?

– А ты не слышишь? В конце коридора с Серафимой Марковной общается, – наклонившись, заглянула в приоткрытую дверь Роза. – Да, точно... Бэ Гэ ей опять на свою разне-

счастную жизнь жалуется...

Катя привстала и тоже выглянула в коридор. На другом конце его их классная руководительница учительница алгебры и геометрии Бронислава Георгиевна, или сокращенно – Бэ Гэ, разговаривала с учительницей английского.

– ...Я вам скажу, дорогуша, что эта работа из меня просто все соки выпила... – рокотала Бэ Гэ, прижимая к груди указку, больше напоминавшую булаву из детских сказок про разбойников. – Верите ли, еще эта обязанность на мне будет лежать!

Серафима Марковна понимающе кивнула. Она была ниже Бэ Гэ ровно на голову и тоньше ровно наполовину, седые волосы аккуратно уложены в пучок.

– ...Если бы я знала об этом раньше, то ни за что в школу не пошла бы работать! – продолжала Бронислава Георгиевна. – Ведь у меня были такие перспективы – там, на тренерской работе!

– Я не ослышалась? – удивленно прошептала Катя, садясь на свое место. – Наша Бэ Гэ раньше спортом занималась, что ли?

– Кажется... – пожала плечами Роза. – Только я не помню, каким именно.

– Вот это да! – засмеялась Катя. – Скорее всего, это было не фигурное катание и не это... ну, где на бревне прыгают, как Светлана Хоркина...

– Спортивная гимнастика, – подсказала Роза. – Я думаю,

Бэ Гэ ядро толкала или что-нибудь в этом роде, где сила нужна.

– Она бы Майка Тайсона одной левой уложила, если бы им на ринге пришлось встретиться! – хихикнула Катя.

На соседнем ряду, напротив, сидели Вениамин Рябов, и Сема Бортко. Они листали газету со спортивными новостями и что-то сосредоточенно обсуждали.

– ...Если «Реал» выиграет вторую из трех оставшихся встреч, то станет чемпионом... – бормотал Рябов.

– Точно, Веник! – энергично кивнул его сосед Сема. – Как пить дать, станет!

– Ты не в курсе, какого числа «Локомотив» со «Спартак» играют и где достать билеты? – спросил Рябов.

– Играют в эту среду, а билеты, я думаю, можно будет заказать непосредственно через агентства клубов, – наморщил лоб Сема Бортко. – Пойдешь, Веник?

– А то!..

– Тоже маньяки, – кивнув на соседний ряд, прошептала Роза. – Только футбольные.

– Им-то все нипочем! Сидят, футбол свой обсуждают, а у меня в животе сейчас от голода забурчит! – возмутилась Катя. – Ну чего там эта Бэ Гэ застряла?!

– Пойдем после классного собрания в буфет, – успокоительно произнесла Роза. – Кстати, ты не в курсе, на какую тему будет собрание?

– Абсолютно без понятия. И никто не знает.

Наконец в коридоре послышался приближающийся грохот. Он возвещал о том, что Бэ Гэ закончила изливать душу Серафиме Марковне и теперь решила приступить к своим прямым обязанностям – она направлялась в восьмой «А».

– Так, все на месте? – грозно спросила Бронислава Георгиевна, врываясь в кабинет. – Немедленно прекращаем все посторонние разговоры – у меня для вас архиважное сообщение... Дубинин, немедленно оторвись от своих художеств и слушай меня!

Слава Дубинин был невысоким худеньким мальчишкой, который все свое свободное и несвободное время проводил за рисованием комиксов.

– А чего я? Как что, так сразу Дубинин... – недовольно пробормотал Слава, отодвигая от себя тетрадь, в которой он рисовал очередную серию походов инспектора Дубчика. Этого персонажа придумал сам Слава, и инспектор на тетрадных листах почему-то очень напоминал своего создателя – правда, в длинном пальто с поднятым воротником, в широкополой шляпе и с трубкой в зубах. Инспектор Дубчик расследовал особо сложные преступления, за которыми всегда стоял злодей Макинтош...

– Итак... – мрачно произнесла Бронислава Георгиевна, возвышаясь над учительским столом, словно изваяние из камня. – У нас на носу очередной календарный праздник. То есть Новый год.

– Джингл белл, джингл белл... – тихонько запела Викуся,

покачивая головой с длинными блестящими волосами.

– Киреева, немедленно прекрати этот балаган! – постучала по столу указкой Бронислава Георгиевна. – Ничего веселого я пока не говорила.

Викуся тут же прикусила язык.

Указка у Бэ Гэ была знаменитой. До того она сломала все указки по причине их возмутительной хрупкости (Бэ Гэ каждый раз ругала промышленность, которая выпускает такие ненадежные предметы). Но потом чей-то папа подарил учительнице посох, по слухам – из далекой Индии, якобы им пользовались жрецы-брамины. Из прочного сандалового дерева, резной и очень красивый! Сломать его было невозможно. Теперь Бронислава Георгиевна могла совершенно спокойно стучать своей указкой по столу и тыкать ею в доску, когда объясняла очередную теорему, не боясь, что посох треснет в ее сильных руках.

Правда, по школе сразу поползли слухи, что посох обладает некоей мистической силой (недаром им пользовались индийские жрецы!). Несколько раз посох пытались стащить – уж очень хотелось кому-то проверить его магические способности, и теперь Бэ Гэ не расставалась с ним ни на минуту, даже в столовую с ним ходила. Где же она потом найдет другую указку, столь красивую и прочную!

– Так вот... – продолжила Бронислава Георгиевна. – А вы, если помните, уже в восьмом классе. И что это значит?

Все смиренно молчали.

– А значит это то, что с этого года вы можете участвовать в школьном новогоднем бале-маскараде, вот что!

– Ура! – завизжали Лерочка с Викусей, и остальные девочки подхватили их радостный клич.

– Тихо, я сказала! – грозно загрохотала указкой по столу Бэ Гэ. Прочное сандаловое дерево все стерпело. – Вы меня не дослушали. Перед маскарадом будет концерт. Участие в нем обязательно и обсуждению не подлежит. Если хотите попасть на маскарад, извольте принять участие и в концерте – так сказать, в нагрузку. Поэтому срочно нужны таланты и дарования. Кто что умеет, поднимите руки!

Все вдруг уныло замолчали.

– Лера, Вика! Вы же вроде в танцевальной студии занимались! – напомнила Бэ Гэ.

– Да! – спохватились Лерочка и Викуся. – Мы это... мы можем сплясать!

– Очень хорошо. Так, другие что умеют? Ну, ребята, не тяните время! – возвысила голос Бронислава Георгиевна. – Иволгина, ты, кажется, стихи пишешь?

Катя покраснела и встала из-за парты.

– Вот и сочини стихотворение к зимнему празднику! – предложила классная руководительница.

– Я... я не знаю... – пробормотала Катя. Неужели ей придется выходить на сцену в актовом зале и читать перед старшими классами свои стихи?! – Получится ли у меня...

– Получится, получится... – нетерпеливо перебила ее

Бронислава Георгиевна. – Так, теперь кто еще у нас... Бобков Василий! Ну а у тебя какие таланты?

С задней парты встал Вася Бобков по прозвищу Боб. Вася был румяный, толстый и очень неуклюжий, отчего над ним постоянно все смеялись.

– Сорок пончиков подряд может съесть! – громко прошептала Лерочка. – Знаем мы его таланты...

Класс грохнул от смеха. Вася стоял несчастный и сердитый – ему совсем не хотелось участвовать в каком-то дурацком концерте. Да и на маскарад бы он тоже не пошел! Это только для девчонок может быть интересно...

– Красовский!

– Я!

Влад Красовский был настоящим красавцем, и внимание публики к его особе ничуть его не смущало.

– Ты что можешь?

– Я, Бронислава Георгиевна, могу спеть под гитару, – бодро сообщил Влад. – Годится?

– Еще как! – удовлетворенно кивнула классная руководительница. – Что-нибудь такое, из классического репертуара...

– Из классического? – обрадовался Влад. – Например, «Рамштайн»... На немецком языке!

– На немецком? – озабоченно переспросила Бэ Гэ. – Какой такой «Рамштайн»? Это ты, Красовский, из Бетховена или Вагнера?..

– Кого? – удивленно приподнял красивые темные брови Влад. – Ну, в общем, вы же про классический репертуар говорили...

– Ладно, потом разберемся! – махнула устало рукой учительница. – Кто еще? Вы же понимаете, для концерта еще несколько номеров надо.

Все молчали, напряженно выискивая в себе таланты. Слава Дубинин потихоньку придвинул к себе тетрадь и принялся дорисовывать приключения инспектора Дубчика. Теперь злодей Макинтош захватил водозаборную станцию, которая снабжала водой весь город, намереваясь насыпать в нее сине-зеленых водорослей, или попросту – болотную ряску. Инспектор Дубчик сидел запертым в подвале старинного замка и всеми силами пытался оттуда выбраться, чтобы не дать возможности Макинтошу выполнить свой зловещий план...

– Дубинин!

– А? – спохватился Слава.

– Вот ты все бумагу портишь... – Бронислава Георгиевна уже не на шутку рассердилась. – Ты почему на последней контрольной сдал мне какие-то рожи...

– Какие рожи? – перепугался Слава.

– Да эти твои... комиксы дурацкие. Где контрольная твоя? Учти, скоро четверть закончится, а тебе явная двойка светит!

– Ой, Бэ... то есть Бронислава Георгиевна, я вам не ту тетрадь сдал! – всполошился Слава, разбирая нагромождение

из бумажных листов на своей парте. – Если еще не поздно...

– Не поздно, – снисходительно сказала классная. – А рожи свои заberi, мне они ни к чему. Кстати, а какие у тебя таланты?

– Ну...

– Не «ну», а думай давай. Чтобы в течение недели что-нибудь придумал. Чагина!

Роза отвела взгляд от окна и растерянно уставилась на указку Брониславы Георгиевны. Роза была из тех, кто верил в мистическую силу жрецов-браминов.

– У меня нет никаких талантов, – испуганно ответила она.

– Не может такого быть. Не верю!

– Роза салаты может делать, – вдруг вспомнил некстати Вася Бобков и облизнулся. – И пирожки еще... Она нас всех угощала!

– Салаты... пирожки... – пригорюнилась Бронислава Георгиевна. – Нет, это все не то. В общем, так, ребята. Собираемся в следующую пятницу и окончательно решаем, кто с какими номерами будет выступать. Если ничего не придумаете – не видать вам этого маскарада как своих ушей.

– У-у... – загудели все. – А-а...

– И нечего возмущаться. Как говорится – все в ваших руках, – строго произнесла учительница. – За сим позвольте откланяться...

И тяжелой грохочущей походкой она пошла к выходу.

Едва только Бэ Гэ исчезла за дверью, класс взорвался

шквалом эмоций.

– Маскарад! – стонущим голосом завопила Викуся. – Это моя мечта! У меня есть такое платье, такое платье...

– И диадема со стразами, и китайский веер! – запричитала Лерочка. – Я бы нарядилась китайской принцессой...

– Какой принцессой, елки-палки! – заорал Дубинин. – Ребят, да ну его на фиг, этот маскарад! Нам-то он зачем?..

– Я бы нарядился рыцарем и пел дамам баллады старинных времен, – сообщил Влад. – Дамы, вы не против?

– Не против, совсем не против! – визжали девчонки. – Хотим маскарад!!!

После шума, гама и ожесточенных споров все пришли к выводу, что от концерта отвертеться не получится.

– В общем, так! – строго провозгласила Викуся, глаза у которой лихорадочно блестели. – Чтобы все придумали что-нибудь интересное! Даже ты, новенький!..

На задней парте сидел Дима Соколов. Он учился в восьмом «А» с сентября, но все по привычке называли его новеньким.

– Ладушки, – спокойно произнес он. – Отрываться от коллектива я не собираюсь.

Глава 2

Девичьи грезы

Катя с Розой взяли в школьной столовой только второе – курицу с рисом – и сели у окна.

– Ужас! – сказала Роза. – Только что помирала от голода, а теперь и есть-то не очень хочется.

– Это нам Бэ Гэ всем аппетит испортила, – пробурчала Катя, ковыряясь в рисе. – Концерт этот дурацкий... нет, неужели она в самом деле думает, что я перед всей школой свои стихи буду читать?!

– Но маскарад... – мечтательно вздохнула Роза. – Нет, надо обязательно на него попасть! Я, может, все школьные годы об этом мечтала... Знаешь, всегда было так завидно, когда эти старшеклассники что-то придумывали. Бегали с платьями и всякими костюмами, а потом музыка, бал, огни... Нас, малышню, тогда не пускали.

– Но стихи читать перед всеми...

– Послушай, Кать, ты бы какой костюм себе придумала?

– Я? Не знаю... – пожала плечами Катя. – Надо это все очень хорошо продумать.

– Да! Чтобы сразить всех наповал!

– Ты забываешь о Лерочке и Викусе... – напомнила Катя. – Вот уж кто впереди планеты всей.

– Да наплевать! Мы будем лучше...

Они погрузились в свои мечты, уставившись в окно, за которым кружился первый снег, и Кате уже перестало казаться таким страшным то, что она будет читать стихи перед всей школой. В столовой было пусто и тихо играла музыка – ее слушала над своими кастрюлями тетя Люба, буфетчица, с вдохновенным лицом. Наверное, она тоже думала о том, каким замечательным будет этот Новый год.

– Традиции... – прошептала Катя.

– Что? – встрепенулась Роза. – Прости, я тебя не расслышала.

– Я говорю – традиции. Когда все повторяется из года в год. В хорошем смысле...

– Да! – подхватила Роза. – И еще елка, и подарки, и папа с мамой... – тут она осеклась и встревоженно посмотрела на свою подругу.

– Ты чего? – спросила Катя, не поворачивая головы и продолжая глядеть на снег.

– Ой, прости, Катька, я совсем забыла...

– Ничего, – махнула рукой Катя. – Все в порядке. То есть, конечно, не все в порядке, но я держусь. Думаю вот о маскараде и все такое... Жизнь продолжается.

– Интересно, а с каким номером собирается выступить новенький? – спросила Роза, чтобы побыстрее перейти на какую-нибудь нейтральную тему. – Он вроде как согласился... да ты ешь курицу, а то остынет!

– Не знаю. Этот Соколов какой-то странный...

– Почему – странный? – не отставала Роза.

– Держится как-то... Ну, как будто мы еще дети, а он все знает и все видел. Словно успел вокруг земного шара круг сделать – ну, вроде Федора Конюхова, путешественника...

– А Красовский что, лучше?

– Красовский... – мечтательно пробормотала Катя.

В это время на пороге столовой появился Влад Красовский собственной персоной. Мечта всех девчонок восьмого «А» – высокий, в темных джинсах и темной водолазке, с супермодным рюкзаком в руке, который закрывался на огромную молнию-трактор, и фирменным лейблом на самом видном месте – Влад любил стильные вещи, и родители не отказывали ему в этой небольшой слабости. На рюкзаке болтался сотовый телефон последней модели.

– Вот и он сам, – прошептала Роза. – Стоило только упомянуть...

Катя ничего не ответила – она вспыхнула и уткнулась в свою тарелку.

– Привет, тетя Люб! – ослепительно улыбнулся Красовский. – Какими деликатесами вы сегодня будете потчевать?

Тетя Люба очень уважала вежливых ребят – не так часто она слышала комплименты в свой адрес. Обычно на переменках в буфете творился полный кавардак – все орали у стойки и требовали побыстрее себя обслужить, а иногда и отпускали всякие шуточки в адрес тети-Любиных разносо-

лов. Вот на прошлой неделе был гороховый суп – каких только острот она не услышала по адресу этого несчастного супа!

– Ах, Владик! – на круглом лице тети Любы расплылась широкая улыбка. – Вот, пожалуйста, борщ и курица на второе... Компотик не желаешь?

– М-м, какой аромат! – с наслаждением вдохнул Красовский. – Ни от чего не откажусь...

Он с подносом сел у противоположной стены и принялся с аппетитом уписывать школьный обед.

– Он даже ест красиво! – прошептала Катя, косясь в его сторону. – Роза, ты такое когда-нибудь видела? Как он ложку ко рту подносит, как салфеткой вытирается...

– Да, как в кино, – согласилась верная Роза. – Только не слишком ли ты им восхищаешься?

– А что?

– А то. Не кажется ли тебе, что ты давно и безнадежно в него...

– Молчи! – быстро перебила ее Катя. – А вдруг он услышит?

– Не услышит – он далеко. Ты мне лучше скажи – я права или нет? – испытующе посмотрела на нее Роза.

– В чем?

– Не притворяйся! Ты прекрасно все поняла...

Катя задумалась. Что на самом деле она испытывала к Владу Красовскому, самому замечательному парню на свете? Кажется, она знала его тысячу лет и сама подсмеивалась

над девчонками, которые тайно и явно восхищались им, – и вот теперь она находится в таком же положении. Когда все это началось? Катя не могла вспомнить. Кажется, это случилось этой осенью, первого сентября – когда все пришли на школьную линейку, отдохнувшие и счастливые после школьных каникул, и она увидела его. Как будто в первый раз увидела! «Привет, Иволгина! – сказал он. – Ого, какие шикарные косы!»

Дело в том, что у Кати на самом деле были замечательные волосы – светло-русые, чуть с рыжинкой, словно в них запуталось летнее солнце. Обычно она завязывала их в хвост на затылке, а тогда, первого сентября, решила изобразить что-то новенькое. Заплела волосы в две косы, которые спускались на грудь, будто у героинь русских народных сказок, а по бокам лица оставила еще две свободные пряди, концы которых слегка накрутила на щипцы. «Боже мой, Иволгина! – закричали тогда Лерочка и Викуся в один голос. – Как стильно! Почему ты раньше так не ходила?» Лерочка и Викуся были неплохими девчонками, они не только своим внешним видом интересовались, а могли и других похвалить, когда они того стоили.

Потом Катя долго вспоминала этот день. С одной стороны, Влад мог просто заметить то, что она, Катя, решила поменять свой имидж. А с другой... Ведь могло быть и так, что сам Влад увидел ее каким-то другим, новым взглядом!

С тех пор ее волновало, как она выглядит, обращает ли на

нее внимание Красовский. Почему-то это для нее стало так важно! Теперь Розин вопрос поставил ее в тупик. Настало время назвать все своими словами.

– Ты права, Роза, – тихо произнесла Катя. – Он жутко мне нравится.

– Катька, и ты! – возмутилась Роза. – Ну это совсем неоригинально! Да в него, в этого Красовского, половина девчонок влюблены!

– А что, по-твоему, оригинально? – спросила она.

– Ну, я не знаю... – нахмурилась Роза. – Да хоть на этого новенького внимание обратить!

И в этот момент в дверях появился Дима Соколов. Взял поднос с обедом и уселся недалеко от девчонок.

– Да мы же его только что обсуждали! – прошептала Катя. – Я уже сказала, что нет в этом Соколове ничего особенного!

– А ты присмотрись... Вон у него лицо какое серьезное и в то же время спокойное.

– Он зануда!

В это время Дима Соколов обернулся, словно почувствовав, что его разглядывают, и махнул подругам рукой.

– Привет, девчонки! – сказал он. – Что, уже обсуждаете, какое платье на маскарад наденете?

Катя и Роза дружно отвернулись.

– Он грубиян, – неприязненно произнесла Катя.

– Это еще ничего не значит! – прошептала Роза.

– Слушай, Чагина, чего ты с этим Соколовым ко мне привязалась! Если он тебе так нравится, то и влюбляйся в него, сколько хочешь!

– Да не хочу я ни в кого влюбляться! – прошипела Роза. – Очень надо! Мне и некогда, кстати... Вот сейчас надо уроки сделать, а вечером бежать в ресторан к родителям, всякие вилки-ложки перетирать там! Фиделю некогда, он как раз собирается сессию в институте сдавать...

– А на мне вообще вся семья!

Роза вздрогнула.

– Ладно, не сердись... – примирительно сказала она.

Они отнесли посуду на мойку и затопали к выходу. Катя старалась идти прямо и непринужденно – а вдруг Влад в этот момент на нее смотрит.

– У тебя что, спина болит? – встревоженно спросила Роза.

– Да все со мной в порядке...

В коридоре они столкнулись с директором, Иваном Романовичем Жуковым. Тот выглядел совсем не по-директорски – весь красный, встрепанный, точно только что бежал марафонскую дистанцию, и галстук у него сбился куда-то в сторону. За директором спешили двое одиннадцатиклассников в темно-синих халатах, которые обычно надевали на урок труда, и Серафима Марковна. Очки у почтенной учительницы английского языка были почему-то запотевшими, а всегда аккуратный пучок сполз у нее к левому уху.

– Здравствуйте, Иван Романович! – дружно поздоровали

лись Роза и Катя.

– Доброе утро... – на бегу ответил тот, хотя сейчас был скорее вечер, чем утро. Вся процессия остановилась в конце коридора. – Ну вот, что я вам говорил! – возбужденно закричал директор. – Посмотрите, Серафима Марковна, сюда совершенно невозможно вешать эту гирлянду!

Тут только девочки заметили, что двое старшеклассников в рабочей одежде тащили за собой большую коробку. Один из них достал гирлянду со множеством разноцветных лампочек и повесил себе на шею – обычно так дрессировщики в цирке вешают на себя питона.

– А что? – скептически сказала Серафима Марковна, протирая себе очки. – Чем вам это место не нравится, Иван Романович? Сидоров, немедленно сними с себя гирлянду, ты же не елка...

– Да тут же портреты русских классиков висят – вот Толстой, Достоевский, Тургенев... – принялся терпеливо объяснять директор. – И что же, мы на них эти лампочки повесим?

– Ну, не на них, а чуть выше... – великодушно произнесла Серафима Марковна. – Вы тут недавно работаете, Иван Романович, а мы всегда тут эту гирлянду вешали... Сейчас Сидоров с Петренко гвоздики прибьют, чтобы гирляндочку эту прикрепить к стене... Видите, вон там до сих пор дырки в стене от гвоздей остались?..

– Да что вы мне про мой возраст напоминаете! – Иван Романович покраснел еще сильнее. – Нас в университете учи-

ли, что классиков надо уважать!

– Но это же временно – только до начала зимних каникул! – уговаривала разгневанного директора Серафима Марковна. – И где же нам эту иллюминацию делать – не над противопожарным же краном?..

– Ладно... – устало махнул рукой Иван Романович. – Петренко, тащи сюда стремянку.

– Совсем они с ума посходили с этим Новым годом, – сказала Роза, обращаясь к Кате. – До праздника же еще уйма времени! И елки уже во всех магазинах, за каждой витриной поставили...

Они стали спускаться по лестнице на первый этаж, не дожидаясь, чем закончится история с иллюминацией.

– Мне кажется, это специально все делается, – произнесла задумчиво Катя. – Ну, чтобы заранее создать праздничное настроение. Чтобы люди ходили и радовались: «Скоро Новый год, скоро Новый год!»

Внизу, у раздевалки, крутились перед большим зеркалом Лерочка и Викуся.

– Нет, это пальто в виде шинели уже никуда не годится! – говорила Лерочка, критически рассматривая себя в зеркало.

– Но в таких же все ходят! – сказала Викуся, с гордостью натягивая себе на голову вязаный фиолетовый берет с огромным козырьком – свое последнее приобретение, которое она выклянчила у старшей сестры – такого уж точно ни у кого не было.

– Вот именно что – все ходят! – возмутилась Лерочка. – А я хочу что-нибудь особенное, чтобы только у меня было. Например, белое пальто до пола, с таким лохматым воротником, и чтобы оно на потайную застежку застегивалось...

Болтая о модных тенденциях, Лерочка с Викусей наконец упорхнули, даже не заметив Кати и Розы.

– Сумасшедшие... – засмеялась Роза, натягивая на себя сапоги. – Вечно они об одном и том же!

– Ладно, ты беги, а я еще Сашка должна забрать, – вспомнила Катя.

– Пока!

– Пока-пока!..

Катя заглянула в соседнюю дверь, за которой находилось отделение продленной группы.

– Иволгин, на выход! – закричала она.

Навстречу ей уже мчался светловолосый мальчишка с рюкзаком за плечами.

– Катька, я думал, ты про меня забыла! – заорал он, забега в раздевалку.

– Как же, забудешь про тебя... – проворчала она, помогая брату одеться.

Сашок, младший Катин брат, на самом деле был уже вполне самостоятельной личностью – он ходил в первый класс, но Катя помогала ему по привычке – так быстрее было.

– Ух ты, снег! – обрадовался он, выходя на улицу. – Кстати, Кать, на той неделе у нас будет родительское собрание –

ты папе передай.

– Сам передай!

– Так я же забуду... – развел руками Сашок. – Это я тебе сейчас говорю, пока помню. Может, у меня это, как его... а, склероз!

– Рано еще для склероза! – фыркнула она.

Они шли домой по первому снегу, которого нападало уже довольно много.

– Кать, Марь Семенна говорит, что я это... талантливый. У меня талант вопросы задавать.

Марией Семеновной звали его учительницу – Катя несколько раз видела ее в школе. Тихая такая женщина в больших очках.

– Не представляю, как она с вами справляется, эта Марь Семенна...

– Ничего, пока очень даже неплохо справляется! – великодушно сказал Сашок. – Кать...

– Ну что?

– А наша мама там, на небе? – он вытянул руку в варежке вверх, указывая на серое ноябрьское небо.

– Там, – вздохнула Катя. На некоторые вопросы брата она еще не научилась отвечать.

– Она нас видит?

– Видит, видит...

– Вот прямо оттуда, из-за облаков?

– Да, прямо из-за облаков.

Прошло два года, как не стало мамы, а Сашок все еще не мог с этим примириться.

– Кать...

– Ну что?!.

– А у нас будет вторая мама?

– Мачеха, что ли? – опешила Катя. – Нет, никогда!..

Глава 3

Чрезвычайные обстоятельства

Хоть Викуся и утверждала, что первый снег обязательно должен растаять, но в этот раз ее прогноз не сбывлся. Его выпало так много, что город сразу приобрел зимний вид.

Он закутал белой ватой ветки деревьев, лежал на крышах припаркованных у домов машин, сугробами возвышался на обочинах, засыпал все дороги, он был везде!

– Класс! – восхищенно произнес Сашок, стоя у подоконника на стуле. – Пап, мы пойдем гулять?

– Пойдем, обязательно пойдем, – сказал Виктор Сергеевич, орудуя у плиты. – Так, яичница готова... Зови Катьку, будем завтракать!

– Пап, она еще дрыхнет, – деловито сообщил Сашок, слезая со стула.

– Не дрыхнет, а спит. И вообще, сколько можно дрыхнуть, то есть спать... Двенадцатый час уже!

Сашок постучал кулаком в комнату сестры и заорал басом:

– Катерина, вставай! Так всю жизнь проспичь!

– Отстаньте от меня! – застонала Катя, с трудом открывая глаза. – Сегодня же суббота – дайте человеку отдохнуть...

Она натянула одеяло на голову и попыталась снова за-

снуть. Ей непременно надо было досмотреть тот сон...

«Разрешите пригласить вас на танец...» – в глубоком поклоне склонился перед ней Влад Красовский. Он был в старинном костюме – плечи покрыты черным блестящим плащом, у пояса висела шпага.

Вокруг играла музыка, блестели огни, по огромному залу кружились пары в ярких нарядах. Только все это происходило почему-то не в актовом зале их обычной средней школы, а где-то в старинном замке. Правда, на стенах висели портреты известных писателей – Толстого, Пушкина, Гоголя и других, украшенные гирляндами разноцветных огней. Толстой весело улыбался сквозь густую седую бороду, и на голове у него почему-то был красный колпак с забавным белым помпоном. «И никакой это не Толстой, а самый настоящий Дед Мороз!» – наконец догадалась Катя.

Напротив было большое зеркало, в котором она увидела свое отражение. «Неужели это я?» – удивилась Катя. Зеркало показывало ей тоненькую стройную девушку в светло-голубом длинном платье с широкой юбкой, с высокой прической и небольшой диадемой на голове, украшенной переливающимися камнями. «Красота! – восхищенно подумала Катя. – И где это, интересно, я сумела раздобыть такое платье? А диадему мне наверняка дала напрокат Лерочка».

«Разрешите пригласить вас на танец...» – повторил Влад, склоняясь перед ней в глубоком поклоне. Катя милостиво протянула ему руку. И они закружились под волшебную му-

зыку.

– Катерина, вставай! – опять заорал Сашок, и тут Катя окончательно проснулась.

– Уже иду!... – недовольно сказала она, отыскивая ногами тапочки.

Все семейство Иволгиных быстро позавтракало и высыпало на улицу. Сашок тащил за собой санки.

– Идемте в парк! – требовательно провозгласил он. – Кататься с горки!

– Хорошая мысль! – согласился Виктор Сергеевич. – А ты куда хочешь, Кать?

– В парк так в парк... – пожала она плечами. Ей было все равно, куда идти, потому что мыслями она была еще в своем сне, где Влад Красовский склонялся перед ней в поклоне.

Парк был недалеко.

Пока отец катал Сашка на санках по широкой заснеженной аллее, Катя медленно брела за ними. «В самом деле, было бы здорово, если бы Красовский пригласил меня на балу! – думала она. – Хотя с чего это он вдруг решит пригласить именно меня?...» Катя до сих пор не могла понять, как к ней относится всеобщий школьный любимец. Вроде бы он сказал ей комплимент – тогда, первого сентября. Но с тех пор прошло тысяча лет!

«А что, если как-нибудь позвонить ему домой? – озарило вдруг Катю. – В школе вроде как неудобно с ним разговаривать – все ходят вокруг, любопытничают, Роза еще нач-

нет меня отговаривать – она Влада не особенно любит, непонятно только, почему... Да, у меня же есть его телефон, я могу ему позвонить! Конечно, неудобно девушке первой назначать парню свидание, но можно придумать какой-нибудь убедительный повод!»

Медленно падал снег. Катя сняла с руки перчатку и протянула вперед ладонь.

Снег кружится, снег летает.
На ладони быстро тает.
И лохматая зима
Запрягает облака.
Белой тройкой удалой
Мчится снег над головой,
И в снежинках облака
Проплывают сквозь дома.
А в домах приготовленье —
Разливается варенье,
И мурлычет важно кот,
Зазывая Новый год...¹

Стихи всегда возникали в ней внезапно, под настроение. Правда, кота у Иволгиных не было, но почему-то его образ у Кати был связан с зимним праздником. Сидит такой серый пушистый котище на подоконнике и смотрит в окно, на котором мороз рисует свои узоры...

¹ Здесь и далее – стихи Надежды Черемушкиной.

– Привет! – вдруг прозвучало у нее над ухом.

– Ой! – сказала Катя – она была так погружена в свои мысли, что ничего не замечала вокруг. А это был Дима Соколов, новенький – оказывается, он шел рядом, таща за собой снежокат. Наверное, тоже шел в сторону горки, к которой стремились все в этот день. – Привет...

– Я тебя напугал? – удивился он.

– Нет, – пожала она равнодушно плечами. – Я просто не ожидала кого-то из знакомых здесь встретить.

– Гуляешь?

– Ага, – сказала она. – Вон папа с младшим братом впереди. Классный у тебя снежокат...

– Хочешь, дам прокатиться с горы? – неожиданно предложил он.

– Ну, не знаю... – с сомнением пробормотала Катя.

Соколов был в темно-вишневой куртке, черных джинсах, на ногах – здоровенные армейские сапоги со шнуровкой, из-под вязаной шапки торчали пряди темных волос. «Ишь, вырядился как! – неприязненно подумала Катя. – Прямо как в рекламе: «Посетите наш горнолыжный курорт!» Чем-то он ей не нравился. Слишком простой, даже грубоватый какой-то... Никакого сравнения со стильным Владом Красовским!

В классе Соколов держался как-то обособленно, сидел на последней парте. Особых друзей у него не было, впрочем, необщительным Диму тоже нельзя было назвать – он обсуж-

дал футбольные дела с Веником Рябовым и Семой Бортко, иногда что-то советовал Славке Дубинину, любителю комиксов... «Темная лошадка», – вдруг вспомнила Катя. Есть такое выражение, которое обозначает, что человек пока ничем не примечателен. Правда, темные лошадки иногда вырываются на первое место...

– А где твоя это... ну, которая Ромашка...

– Не Ромашка, а Роза! – строго произнесла Катя. – Она в выходные занята. У ее родителей ресторан, она им помогает.

– Круто! – присвистнул Соколов.

Снег скрипел под ногами, мимо с визгом пробежала малышня.

– Ты откуда, Соколов? – неожиданно спросила Катя.

– То есть?

– Ну, откуда ты приехал?

– Ниоткуда, – удивился он. – Я москвич. Правда, два последних года мы жили на Алтае. У меня отец – военный...

– А-а, понятно...

Катю неожиданно разобрало любопытство:

– Слушай, ты ведь согласился участвовать в концерте с каким-то номером... Что ты будешь делать?

– На балалайке играть.

– Шутишь?

– Правда! – весело сказал он. – А что такого? Я умею – меня в одной алтайской деревушке научили.

Катя засмеялась, представив Соколова с балалайкой.

Определенно, никакого сравнения с Владом Красовским!

Отец с младшим братом уже стояли у горы – внизу было большое поле, теперь засыпанное снегом. Кто на санках, кто на снегокатах, кто на лыжах, а кто и на сноубордах съезжали вниз, в пологую долину. А сбоку была накатанная ледяная дорожка. По ней скатывались на ледянках, а отдельные смельчаки – вниз на своих двоих.

– Это Дима. Мой одноклассник, – небрежно сказала Катя, указав на своего спутника. – А это мой папа, Виктор Сергеевич...

Отец с Димой пожали друг другу руки.

– Александр Викторович, – солидно представился Сашок и тоже полез пожимать всем руки.

– Да ну тебя! – засмеялась Катя, отмахиваясь от младшего брата. – Уж с тобой-то мы точно знакомы!

Сашок не отрывал взгляда от Димкиного снегоката.

– Садись сзади, – великодушно предложил Соколов, поймав его взгляд. – Съедем разок вниз. Только смотри, держись крепче!

– Ну а я тогда на санках! – сказал Виктор Сергеевич.

И они заскользили вниз, поднимая снежный вихрь. Радостно завизжал Сашок.

Катя недовольно посмотрела им вслед. «Тоже мне, джентльмен! – подумала она о Димке. – А ведь сначала мне предлагал скатиться!»

Стоять на одном месте было холодно, и Катя, притопты-

вая ногами, принялась ходить взад-вперед по небольшой полянке наверху. Скоро вернулся Соколов с хохочущим Сашком и предложил свой снежок Кате.

– Мерси, что-то расхотелось, – пожала она плечами.

– Ну, как знаешь, – сказал Соколов. – Виктор Сергеевич, не хотите теперь вы?

– Не откажусь! – обрадовался тот, садясь на снежок. – В нашем детстве таких игрушек не было!

Настроение у Кати почему-то испортилось. Эти трое перестали обращать на нее внимание и откровенно веселились, скатываясь с горы. Особое недовольство у нее вызвало то, что этот Соколов как будто понравился ее отцу и младшему брату – словно они уже давным-давно его знали. «А папа-то! – с возмущением подумала Катя. – Совсем как маленький!»

Незаметно пролетел час – Катя к тому времени основательно окоченела.

– Замерзла? – закричал отец, в очередной раз взобравшись на гору. – Ну, ничего, сейчас домой пойдем... Я только по ледяной дорожке скачусь. Знаешь, я в юности очень часто съезжал.

– На ногах?

– А что такого!

– Папа! – умоляюще воскликнула Катя. Но Виктор Сергеевич уже лихо заскользил вниз.

– Это рискованный трюк... – пробормотал Соколов, стоя

рядом с Катей. Сашок только рот открыл, держась за Катину руку.

Сначала Виктор Сергеевич ехал ровно, уверенно держась боком, но в самом низу лед, видимо, был еще недостаточно раскатан. Катин отец споткнулся, сделал два больших шага и вдруг... упал...

– Ну-с, молодые люди, ничего хорошего я тут пока не вижу, – сказал доктор, рассматривая рентгеновский снимок перед лампой. – Перелом ноги со смещением.

– Это опасно? – дрожащим голосом спросила Катя. Она была вместе с отцом, а Соколов с Сашком остались сидеть в больничном холле, встревоженные и подавленные. Сашку очень хотелось зареветь, но присутствие взрослого парня рядом его пока еще сдерживало. «Держись, не скидай!» – успел шепнуть ему Димка.

– Бывало и хуже, – строго сказал доктор.

Катин отец лежал на кушетке с забинтованной ногой и всем своим видом выражал раскаяние.

– И чего меня на эту горку понесло! – с чувством воскликнул Виктор Сергеевич. – Эх я, старый дурак!

Ему сделали обезболивающий укол.

– Перелом со смещением! – с ужасом повторила Катя. Ей этот диагноз показался очень страшным.

– Но вы меня отпустите домой? – робко спросил Виктор Сергеевич.

– Увы, – покачал головой доктор. – Останетесь у нас, в больнице. Месяц-другой будете лежать на вытяжке.

– Это как? Это когда ногу к потолку подвешивают? – сморщился от боли Катин отец – обезболивание подействовало еще не до конца.

– Именно так. А вы, барышня, не беспокойтесь – за вашим папой будут здесь ухаживать.

– Месяц-другой... – повторил Виктор Сергеевич, с досадой глядя на свою забинтованную ногу. – Что же, меня только после Нового года выпустят?!

– Боюсь, что да, – строго сказал доктор.

– А иначе нельзя? – робко спросил его Катин отец.

– Нет. Я же говорю – перелом довольно сложный...

– Катя, как же вы одни будете...

Катя бросилась к отцу и обняла его за шею.

– Ничего-ничего! – торопливо заговорила она. – Ты не беспокойся, папочка, я справлюсь. Мы с Сашком справимся! Я уже вполне взрослый, самостоятельный человек! А ты лучше лежи тут, поправляйся! Мы тебя будем навещать...

– Ты вот что... Ты позвони Кузьяевым, они помогут, если что! Да я и сам им могу позвонить, – папа похлопал по карману, в котором у него лежал сотовый телефон. – Я скажу Изольде Арнольдовне и Владимиру Антоновичу, чтобы они на время вас с Сашком взяли к себе.

Катя вспомнила знакомых отца – мужа и жену Кузьяевых, которые не раз приходили к ним в гости. Все бы ничего, но

мадам Кузьева каждый раз принималась стонать и прижимать руки к сердцу, когда видела Сашка: «Ах, бедный маленький сирота! Милый деточка, как же мне тебя жалко!» Терпеть столь долгий срок эту эмоциональную особу?!

– Ни за что! – твердо произнесла Катя. – Никаких Кузьевых, папа. Мы справимся сами! Кузьевы будут только в самом крайнем случае.

Папа сморщился – то ли ему опять стало больно, то ли он тоже вспомнил бесконечные ахи и охи Изольды Арнольдовны.

– Но вы же будете одни...

– Ничего не одни! Елена Сергеевна нам поможет, если что, – напомнила Катя. Еленой Сергеевной звали старушку, которая жила в соседней квартире, она действительно не раз приглядывала за Катиным младшим братом.

Катя спустилась в больничный вестибюль. Там сидели Дима Соколов и Сашок. При виде Кати они сразу же вскочили и бросились ей навстречу.

– Ну что? – вцепился в нее Сашок.

– Как твой папа? – встревоженно спросил Соколов.

Катя вздохнула и ответила, глядя в сторону:

– Все в порядке. Папу выпишут после Нового года. Перелом серьезный, но ничего опасного. Идем домой, Сашка...

Сашок открыл рот, чтобы зареветь, но Дима дернул его за рукав. Сашок немедленно закрыл рот.

– Я вас провожу, – быстро произнес Дима.

– Не надо. Ты еще со снегокатом этим...

– Да он совсем не тяжелый!

Они вышли на улицу. На город уже опустились ранние зимние сумерки. Шли молча, пока не оказались возле дома, где жили Иволгины. В голове у Кати было совершенно пусто. Она была так ошеломлена произошедшим, что словно забыла о Диме, который был все время рядом.

– Катя...

– Что?

– Ты скажи, если надо чем помочь, – произнес Дима.

– Ничего не надо...

– Но вы же совсем одни!

«Откуда он знает? А, наверно, Сашок разболтал, пока они там в вестибюле сидели. Ах, бедные сиротки, ах, вы несчастные... Ненавижу, когда жалеют!»

– Нет, спасибо, – холодно ответила Катя.

Дома было пусто и неуютно. Кате очень хотелось позвонить Розе и поплакаться той в жилетку – Роза как никто другой могла выслушать и поддержать. Но неожиданно Катя одернула себя: «Нечего нюни распускать! Я могу сама со всем справиться. В конце концов папу рано или поздно выпишут!»

Она накормила младшего брата ужином и уложила спать.

Плохо было только одно – то, что Новый год теперь не доставлял ей никакой радости.

Глава 4

Нелегкие будни

Иволгиной Катерины

Катя привела младшего брата из школы, потом, не раздеваясь, помчалась в магазин. Вернее, это был большой супермаркет, где на полках лежали самые разнообразные товары – от елочных игрушек до конфет.

Раньше Катя очень любила вместе с папой посещать это место. Они брали тележку на колесиках и медленно ехали вдоль длинных рядов, ожесточенно споря, что же им надо купить.

– Пап, возьмем вот эти хлопья в виде медвежат! – требовала она, указывая на яркую коробку.

– Так мы же взяли уже хлопьев!

– Мы взяли простые, в виде ракушек, – их есть совершенно неинтересно! Вернемся и поставим их на место, а вот эти, с медвежатами, положим к себе...

– Катерина, я тебя уверяю – что медвежата, что ракушки, что трубочки или шарики – вкус у них одинаковый и, признаюсь, довольно противный. Делаются они из кукурузы, и не имеет никакого значения, какой они формы! В наше время ничего такого не было, и мы прекрасно обходились без этих хлопьев.

– Вот именно – в твоё время! Ты просто не успел перестроиться...

Если с ними был ещё и Сашок, то он неизменно поддерживал старшую сестру.

– Возьмем ещё вот эту коробочку! – вопил он, выбегая из соседнего ряда. – Па, мне кажется, это очень вкусная вещь...

– Так, что это у нас такое... – Виктор Сергеевич вертел в руках замысловатую коробку с надписями на разных языках. – Ага, это «острый сыр к пиву, при его производстве использовался особый сорт плесневых грибков, придающий ему необыкновенную пикантность»...

– Сыр с плесенью? – с ужасом тарашил глаза Сашок и мчался с коробкой обратно. – Ну и гадость...

Сейчас Катя была в этом супермаркете одна.

Конечно, теперь она могла потратить все деньги, которые оставил ей отец, на что угодно. Можно было купить конфет, шоколадных вафель, всяких разных хлопьев и веселых творожных сырков, которые в изобилии были разложены на полках молочного отдела...

«Стоп! – сказала себе Катя, стоя перед пузатой банкой с «Печеньем королевским», в составе которого были «изумительный альпийский шоколад, отборный изюм и хрустящие рисовые шарики». – Если я куплю это, то мы с братом вряд ли останемся сытыми. То есть, конечно, мы не будем голодными, когда умнем это печенье, но никто не гарантирует, что живот у Сашка после ударной дозы сладостей будет в поряд-

ке... Ох, и нелегко быть взрослой! Теперь я понимаю, почему взрослые иногда бывают такими занудами – ведь на них лежит ответственность за других людей!»

И Катя побрела вдоль рядов супермаркета, кладя в тележку только то, что, по ее мнению, одобрил бы папа. Правда, от хлопьев в виде медвежат она так и не могла отказаться – это была ее слабость. «Надо еще молока купить! – вспомнила она, сворачивая за угол. И... нос к носу столкнулась с Владом Красовским!

– Ой, Иволгина, ты мне все ноги своей тележкой отдала! – сморщился он. – Смотреть же надо, куда едешь...

– Влад! – растерялась Катя. – Извини, я не нарочно... А ты что здесь делаешь?

– То же, что и ты, – затариваюсь. У меня предки на работе, надо же чем-то себя, любимого, побаловать... – снисходительно произнес Влад, сменяя гнев на милость. Похоже, он был не прочь поболтать с Катей.

«Вот это удача! – возликовала она. – И не пришлось ему звонить и всякие поводы придумывать для звонка... Все просто и естественно – мы случайно столкнулись в супермаркете!»

– А-а... – сказала она, лихорадочно соображая, о чем говорить. – А они у тебя кто?

– Предки-то? – переспросил Влад, шагая с ней рядом. – О, они у меня выдающиеся люди... Папахен – режиссер в театре «Шик энд блеск», а мамахен там главные роли играет.

Актриса она, в общем... Они, кстати, недавно новый мюзикл поставили.

– Здорово! – восторженно сказала Катя. – Тебе повезло!

Впрочем, она слегка покривила душой – она считала своего отца тоже выдающейся личностью, хотя профессия у него была не такая необыкновенная. Он был инженером. На авиационном заводе...

– Ну, в общем, да... – скромно кивнул Влад. – Тебе билеты в театр не нужны? Между прочим, по знакомству – бесплатно.

– На мюзикл? – ахнула Катя. – Господи, Красовский, я еще ни разу ни одного мюзикла не видела!

– Да, это серьезный пробел в твоем самообразовании! – засмеялся Влад и слегка потрепал ее по голове. Жест этот был самый дружеский, но неожиданно сердце у Кати замерло на мгновение, а потом забилось еще сильнее. Вполне возможно, что она нравится Владу, просто он еще не осознал это. Такое ведь бывает!

– Слушай, а два билета можно?

– Два? – удивился он. – Ты с кавалером, что ли, хочешь туда пойти?

– Да с каким еще кавалером? – вспыхнула Катя. – Скажешь тоже... Я Розу бы с собой взяла! Она тоже еще ни одного мюзикла не видела.

– А, Чагину... – удовлетворенно кивнул Влад. Неужели он ревновал? Или сам пока еще не понимал, что на самом деле

ревнует?... – Это пожалуйста.

– А ты? Ты с нами пойдешь?

– Господи, Катя, я этот мюзикл сто раз уже видел! – засмеялся Влад. – Я дам вам с Чагиной билеты, и идите себе на здоровье!

– Жалко... – пробормотала Катя и тут же спохватилась – что же такое она говорит!

– Ну ничего, – вдруг сказал Влад. – Мы с тобой в каком-нибудь другом месте можем встретиться. Например, сходим в один клуб на дискотеку... Ты не против? Только, умоляю, Чагину с собой не бери.

«Почему?» – хотела спросить Катя, но вовремя промолчала. Тут и ежу было понятно, что Влад хотел видеть лишь ее и никого больше. А если он хотел видеть только ее, то это значило...

– Ладно, Катерина, в школе еще поговорим, – произнес Влад, улыбнувшись. – А билеты я вам на днях принесу...

Дома первым делом Катя кинулась звонить Розе.

– Чагина, ты не поверишь! – закричала она в телефонную трубку. – Сейчас такое было, такое...

– Землетрясение, что ли? – сердито спросила Роза на другом конце провода. – Кать, да что случилось?

Катя села в кресле поудобнее и, уставившись в потолок, начала:

– Захожу я сейчас в наш магазин... Ну, в тот супермаркет напротив дома. А там...

– Распродажа живых лягушек, что ли?

– Да ну тебя! Ты, Роза, лучше не перебивай меня, а то не стану ничего рассказывать.

– Ладно, ладно, не буду! Что же ты там увидела в этом супермаркете? – Розу уже начало разбирать нетерпение.

– ...Хожу себе между полок, набираю продуктов... и вдруг! Из-за угла прямо на меня выскакивает он, – торжественно произнесла Катя и сделала паузу, чтобы еще больше подогреть Розино любопытство.

– Кто? Кинг-Конг?

– Да при чем тут Кинг-Конг?! – рассердилась Катя. – Он, Влад Красовский собственной персоной!

– А зачем же он выскочил? Напугать, что ли, хотел? – с удивлением спросила Роза.

– Никого он пугать не собирался, на самом деле это я на него налетела и даже тележкой по его ногам проехала!

– Зачем? Ведь он тебе вроде как нравится, а ты с ним так жестока... – осуждающе произнесла лучшая подруга.

– Господи, Чагина, какая же ты бестолковая! – вздохнула Катя. – Мы случайно с ним столкнулись, Влад там тоже что-то покупал. Короче, мы с ним разговорились.

– После всего, что ты с ним сделала – сшибла тележкой и переехала по ногам?

– Роза, перестань шутить... – засмеялась Катя, разглядывая люстру на потолке. Плафоны, оказывается, запылились, и их давно надо было протереть. – Никто не пострадал, мы

очень мило с ним побеседовали. Ты как к мюзиклам относишься?

– Никак, – ответила Роза. – Я и не была на них ни разу.

– И очень хорошо! То есть плохо, что ты так наплевательски относишься к своему самообразованию. У Влада, оказывается, родители в театре работают, и он предложил мне билеты на мюзикл. Два – на тебя и на меня.

– Класс! – обрадовалась Роза. – Катька, ты настоящий друг.

– Но это еще не все... Влад пригласил меня сходить на дискотеку в клуб.

– О-о-о...

– Не «о», а я ему, оказывается, нравлюсь! – с торжеством произнесла Катя. – Ведь просто так людей в клуб не приглашают, да?

– Вообще-то, да... Слушай, Иволгина, а он прямо так и сказал – завтра идем на дискотеку? – решила уточнить Роза.

– Не именно завтра, а когда-нибудь, в недалеком будущем. Может, он сам пока не знает, когда у него время свободное будет.

– Это еще ничего не значит, – вдруг сурово произнесла лучшая подруга. – «Когда-нибудь» – это еще не приглашение, это... ну, это что-то вроде формы вежливости.

– Какой еще формы? – опешила Катя.

– Иногда человек не знает, как закончить разговор, – принялась терпеливо объяснять Роза. – И говорит – ну, еще со-

звонимся... или, например – как-нибудь встретимся. Но это вовсе не означает, что человек собирается тебе звонить или встречаться. Просто форма вежливости.

– Ерунда какая! – рассердилась Катя. – Вот я тебе, когда обещаю позвонить, всегда звоню!

– Катька, это же совсем другое...

После разговора с подругой у Кати было странное ощущение. Как будто Роза была права...

Катя стояла в школьном коридоре и нерешительно смотрела на дверь, на которой было написано «1-й А». Младшеклассники учились на втором этаже, куда из старших почти никто и не заходил, поэтому у Кати было такое чувство, будто она попала совсем на другую планету. Она сто раз забирала Сашка с продленки, но группа продленного дня находилась на первом этаже, и руководила ею Элла Витальевна, которую Катя хорошо знала, поскольку сама училась у нее.

Марию Семеновну Катя почти не знала – она видела ее всего лишь несколько раз, да и то мельком.

Но папа был в больнице, и никто, кроме Кати, не мог прийти на родительское собрание. Сначала Катя и не хотела идти – подумаешь, с нее-то какой спрос, ведь она сама еще школьница! А потом решила, что дела на самотек пускать нельзя. Она в ответе за своего брата.

Катя потянула дверь на себя и заглянула в класс. Там сидели несколько женщин и один-единственный мужчина в ми-

лицейской форме. «Родители, – догадалась Катя. – Тоже на собрание пришли!»

– Тебе чего, девочка? – спросила одна из женщин в пушистой коричневой шубе, которая с трудом умещалась за партой. – Тут родительское собрание будет.

– Я знаю, – с достоинством произнесла Катя. – Мне именно сюда и надо.

Стараясь держать спину прямо, она прошла по классу и села на заднюю парту. Все проводили ее удивленными взглядами, только милиционер сидел какой-то грустный и вертел в руках свою фуражку.

– Эх... – как-то неопределенно вздохнул он. – Уж лучше бы я еще одно дежурство отдежурил, чем тут сидеть...

– Ничего-ничего! – энергично воскликнула женщина с огромными сережками в ушах, которые были похожи на чайные блюдца. – Все матери воспитанием детей занимаются, надо и отцов к этому приобщать!

Тут в класс вошла Мария Семеновна.

– Добрый вечер... – смущенно произнесла она, поправляя очки на носу. – Извините, что опоздала...

Она села за учительский стол и раскрыла журнал.

– Так, кто у нас тут присутствует... – она пробежала глазами по списку. – Скажите, родители Гриши Куценко здесь есть?

– Есть! – крикнул милиционер. – Я его папа.

– Очень хорошо! – обрадовалась Мария Семеновна. – У

вас, гражданин Куценко, замечательный ребенок, но...

– Я не гражданин, я товарищ, – поправил ее милиционер. – Гражданином меня те называют, кто закон нарушает. Для вас я товарищ Куценко.

– Пусть так... Так вот, товарищ Куценко, у Гриши проблемы с дисциплиной. Во-первых, дерется на перемене, во-вторых, дергает девочек за волосы. А вчера он оторвал все пуговицы на пиджаке Вовы Геллера...

– Да-да! – встрепелась женщина в шубе за первой партой. – Выдрал все. Прямо с мясом! Теперь хоть новый пиджак покупай... А я, знаете ли, деньги не печатаю!

Папа Гриши Куценко побледнел, а потом покраснел.

– Нарушает, значит... – угрожающе пробормотал он. – Ну, я ему задам!

– Ничего задавать не надо, – вдруг строго произнесла Мария Семеновна. – Достаточно одной разъяснительной беседы!

– Есть!

– А теперь обсудим, как они выполнили диктант...

Мария Семеновна долго рассказывала, как кто из первоклассников написал диктант, потом у кого какие успехи по русскому языку, потом вспомнила, что к Новому году надо собрать деньги на подарки.

– Хочу похвалить Сашу Иволгина, – наконец сказала учительница. – Он, хоть и задает много вопросов на уроке, но очень толковый ребенок. Есть родители Иволгина?

– Да! – сказала Катя, вздрогнув. – Я его старшая сестра.

Мария Семеновна поправила очки, с удивлением посмотрев на Катю.

– А что же папа с мамой не пришли? Впрочем, мы это можем обсудить потом...

Неожиданно Катя почувствовала облегчение – очень не хотелось ей при всех этих незнакомых людях обсуждать свои семейные проблемы. Эта Мария Семеновна была деликатным человеком...

Когда все эти папы и мамы разошлись, Катя пересела ближе к учительнице.

– Как тебя зовут? – спросила Мария Семеновна.

– Катя. Я в восьмом «А» учусь...

– А что же ваши родители не пришли, Катя?

– Мамы у нас нет. А папа... папа ногу сломал, он сейчас в больнице, – спокойно произнесла Катя. – Если что хотите про Сашку сказать, то говорите мне.

– А... Что же, вы одни сейчас? – спросила Мария Семеновна. Она была не такой уж пожилой, как сначала показалось Кате. Просто большие очки и старомодная прическа. У Марии Семеновны были светлые гладкие волосы, собранные на затылке в узел. Катя посмотрела на ее руки – тонкие и бледные, которые теребили краешек журнала. «Жалеть сейчас будет. Ненавижу, когда жалеют!»

– Я справляюсь, – холодно ответила Катя.

– Я могла бы помочь...

– Спасибо, не надо.

Мария Семеновна неожиданно улыбнулась. Улыбка у нее была какая-то спокойная и милая, и, кажется, она совершенно не собиралась доставать Катю своим сочувствием.

– Ты молодец, – просто сказала она. – Не всякая девочка в твоём возрасте справилась бы. Но ты не отказывайся от моей помощи. У меня достаточно свободного времени...

– Что, у вас своей семьи нет? – задала Катя довольно бестактный вопрос. Следовало раз и навсегда объяснить все Марии Семеновне.

– Нет. Наверное, и не будет никогда, – пожала плечами Мария Семеновна, ничуть не удивляясь такому вопросу. – Я уже привыкла. А ты с характером, Катя Иволгина... Заходи иногда. Я всегда здесь.

Они вышли из школы вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.